

Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как особая научная процедура: схема первого этапа

В.Н. Рябцев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация: Работа представляет собой вторую статью в рамках авторского цикла, посвященного особенностям анализа ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира. В данном случае в центре внимания автора первый этап этой научной процедуры. Он предполагает определение политико-географических параметров изучаемого региона (или проблемной зоны мира), изучение топографии фигурирующих здесь политических сил и составление их базовых характеристик, а также выявление общей «архитектуры» изучаемой площадки.

Ключевые слова: системный анализ, ситуационный анализ, «место-действие» (площадка), «местные» государства, статусность и состоятельность государств, геополитическая таксономия региона, сила государства, потенциал страны, национальные интересы, оси национальных интересов, политическая (внешнеполитическая) элита, качество элиты, внешнеполитическая доктрина, геополитический код государства, каркас («архитектура») анализируемой «площадки».

Как мы уже писали ранее (см. нашу первую статью в рамках данного цикла), в процедурном отношении *анализ конкретных ситуаций* (АКС) состоит из двух основных фаз, или этапов. Каждый из них предполагает *свою* последовательность операций, т.е. свою конкретную схему развертывания. Но для обоих этапов принцип работы один – «усложнение»: каждая последующая позиция выводится из предыдущей, но к ней не сводится.

Рассмотрим, как это выглядит на практике применительно к первому этапу АКС, когда на первый план в работе геополитолога «региональщика» выходят вопросы, связанные с определением политико-географических параметров изучаемого региона (или проблемной зоны), топографией фигурирующих здесь политических сил и выявлением общей «архитектуры» изучаемой площадки.

Вот наш вариант схемы первого этапа АКС,

Пункт № 1.

В свое время (еще в середине 1920-х гг., в своей работе «Географический обзор России – Евразии») [1] один из основателей евразийства и создатель его геополитической доктрины П.Н. Савицкий впервые в специальной литературе использовал термин «место-развитие», под которым понимал «определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общежития, развивающиеся в этой среде». С его легкой руки этот термин прижился. Им, в частности, с успехом пользовался выдающийся русский историк Г.В. Вернадский, также одно время принимавший активное участие в евразийском движении. Социальные и политические процессы и географическая среда, писал он, «сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образуют различные месторазвития (так у самого автора. – *В.Р.*) в пределах одной и той же географической территории» [2].

По сути дела, речь идет о той постоянной основе, на которой разворачиваются различные исторические события, выстраивающиеся в длинные или короткие цепочки, в устойчивые или не очень ряды; о том географическом фоне, на котором разворачивается история конкретных народов и государств, – фоне, который, по очень точному выражению А.Г. Дугина, «сам по себе дискует глубинную логику того, что происходит с народами, с их политикой, экономикой, международными отношениями, с системами ценностей и верований» [3]. (Этот автор прав в том, что четкое разведение этих понятий принадлежит не П.Н. Савицкому, а восходит ко временам более ранним (впервые это различие стали проводить «отцы-основатели» геополитической науки – Ф. Ратцель, Р. Челлен и др.). Именно в того времени, отмечает А.Г. Дугин, «исследователи стали постепенно все

больше и больше уделять внимание тому, *где* именно разворачивается то или иное историческое событие и как географический контекст на него влияет. <...> Так "постоянная" часть в форме географического контекста стала постепенно входить в систему политического анализа и постепенно, уже в XX веке, – хотя и не без труда и не без сопротивления политологов и историков традиционного склада – прочно вошла в структуру любого полноценного политологического, стратегического и исторического анализа» [3]).

Термин «место-развитие» представляется нам очень точным в геополитическом смысле. Единственное, чем он, может быть, страдает, так это некоторым моментом статичности. Для геополитологического же анализа более важен все-таки момент динамичности. Поэтому, если использовать этот старый евразийский термин, сохраняя весь его позитивный заряд, но вкладывать в него современный смысл, то предпочтительнее пользоваться, на наш взгляд, другим термином – «место-действие», или «площадка». Он менее описателен и (главное) более точен в плане когнитивного моделирования разворачивающихся в конкретных геополитических регионах процессов. Таким образом, мы не отождествляем понятия «геополитический регион» и «площадка». Для целей нашей работы приемлемо именно второе понятие, в большей мере подходящее для анализа пространственных форм. Часто мы видим, что здесь (правда, не всегда к месту) используется понятие-образ «шахматной доски», первое использование которого приписывается почему-то Зб. Бжезинскому [4], хотя на самом деле его первооткрывателем» был блестящий русский аналитик и военный писатель А.Е. Вандам (впервые он это сделал в своей работе «Наше положение», вышедшей в свет еще в 1912 г.) [5]. Но это не столь уж важно. Главное в другом – в том, *что* на этой условной (кстати, многогранной, с далеко с неравными сторонами и

многослойной) «доске» расположено, *кто* конкретно, *какие фигуры* и в каком направлении действуют.

Действуют же они, кстати говоря, потому, что та или иная «шахматная доска», или «площадка» приобретает статус *геополитически значимой* зоны. Последнее означает, что для нее характерно наличие важных политических, экономических и/или стратегических проблем, которые заставляли бы «местных» акторов и внерегиональных игроков вступать в особые взаимоотношения (неважно какие: сотрудничества или конфликтности), т.е. реализовывать свои внешнеполитические ориентации и тем самым отстаивать свои интересы. Иначе говоря, наличие проблемности (скажем, борьба за территории, или земельный ресурс, за акватории, за контроль над стратегически важными узлами или точками в мировом геопространстве, за доступ к жизненно важным ресурсам, рынки сбыта и сферы влияния, и т.д.) *задает геополитичность* определенной географической зоне мира. Последнее и означает, что появление в какой-то момент времени этой самой проблемности (читай: «интересности» для конкретных политических игроков) может в одночасье выводить ту или иную «пустошь» из состояния *геополитического* забвения/небытия.

Пункт № 2.

Чрезвычайно важно точно определиться с тем, что именно взять за точку отсчета в ходе АКС, какой структурообразующий элемент «площадки». Здесь приходится сразу оговорить один принципиальный момент. Если мы работаем в ключе геополитической науки (геополитологии) и намерены строго придерживаться этого, то не следует растворять категориальный аппарат этой дисциплины в других понятийно-терминологических «средах». Прежде всего, мы имеем в виду популярный ныне геоэкономический анализ и изучение пространственно-территориальных феноменов с точки зрения культур-цивилизационного подхода. Это значит, что занимаясь

моделированием соответствующих явлений и процессов на уровне мировых регионов, мы используем свою «координатную сетку», *свой* понятийно-терминологический аппарата. По этой причине мы не хотели бы поддаваться достаточно сильному (в условиях глобализации) искушению заменить главное действующее «лицо» геополитологии – государства как территориально ограниченные властные комплексы или государственно подобные образования компаниями/корпорациями/ТНК – как главными действующими лицами в геоэкономике, этносами и суперэтносами – как основными «операторами» геочивилизационных сдвигов или в избытке представленными ныне на мировой сцене сетевыми игроками, действующими в трансграничном режиме.

Одним словом, за точку отсчета в качестве важнейшего, структурообразующего элемента мы берем такой таксон, как государство, или, точнее говоря, нацию-государство в современном понимании. В этом смысле для нас аксиомой является тезис, согласно которому: государства были и продолжают пока оставаться «основными звеньями мировой системы», или, как говорит М.В. Ильин, «ячейками в координатной сети мировой политики» [6]. В дополнение к ним мы должны учитывать также их дериваты (блоки, коалиции, всякого рода альянсы и т.д.) и международные организации разной компетенции.

Но государства государствам – рознь. Как справедливо указывают российские политологи М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина и А.Ю. Мельвиль, «когда говорят о государствах, обычно имеют в виду некие однопорядковые явления, как если бы все образования, обозначаемые этим понятием, принадлежали к одному и тому же классу. В каких-то отношениях это, конечно, так: под "современным государством" мы подразумеваем члена ООН, обладающего признаваемым другими членами этого мирового клуба суверенитетом – как внутренним, так и внешним. Именно к этому критерию

обращаются для введения и использования другого понятия – непризнанные государства. Однако, если только чуть взглядеться, становится очевидным, что под общим "зонтиком" современных государств располагаются весьма разные образования, сильно отличающиеся друг от друга по многим параметрам». И еще: «Самого беглого взгляда на современный мир достаточно, чтобы убедиться, что его основные структурные единицы – территориальные государства – существенно отличаются не только по своим размерам, географическому положению, мощи и месту в мировом сообществе, но также тем, что живут по различным логикам и зачастую существенно отличаются друг от друга по своей природе. Составляющие координатную сеть мировой политики территориальные государства являются признанными, суверенными членами мирового сообщества и привычно именуются государствами. Однако лишь часть из них являются государствами в строгом смысле, или «государствами-состояниями» [7].

Поэтому при осуществлении АКС очень важно учитывать принцип политической стратификации. Последнее означает, что необходимо провести ранжирование государств в пространстве конкретного региона. Что это значит? Говоря об определении набора действующих «лиц» на данной региональной «площадке», мы обязаны учитывать такие два момента: статусность государства (*statehood*) и его состоятельность (*stateness*), или «качество» государственности. Если первый в большей мере говорит о месте государства в «координатной сети» мировой политики, т.е. второй о его внутренних возможностях, о наличном потенциале, позволяющем полноценно выполнять функцию властвования и управления на конкретной территории. В данном случае нам вполне будет достаточно опереться на те критерии дееспособности (эффективности) государств, которые в свое время выделил известный австрийский политолог. Это: факт безусловной монополии власти на всей территории страны, эффективность

государственного управления и дееспособность соответствующих институтов, легитимность властных структур, надежное обеспечение безопасности граждан государства, полный контроль над границами, выполнение государством всего «комплекса общественных услуг» для населения, недопущение коррупции на разных уровнях государственной машины и контроль за преступностью, обеспечение правопорядка и защита интересов граждан [8].

В этом случае мы вправе говорить о нормальном, состоявшемся и дееспособном государстве, могущем ко всему прочему *быть реальным игроком* на той или иной политической «площадке», т.е. играть заметную (очень или не очень заметную: не важно) роль в мировых делах или хотя бы просто значимым игроком на том или ином поле. Для определения состоятельности государств сегодня все чаще используют комплексные критерии. Наиболее предпочтительно здесь выглядят так называемые органические государства (у каждого из них есть свое историко-культурное «ядро» и, следовательно, своя генетика). В любом случае, а желательно при всех этих слагаемых, у нас налицо будет *субъект* геополитического действия.

Иная картина в том случае, если какой-либо фигурант на пространстве конкретного региона не отвечает вышеназванным критериям. Это значит, что здесь мы сталкиваемся с фактом серьезных сбоев в функционировании государственной машины, больших дисфункциях в государстве в целом и/или его недееспособности (частичной или полной). Здесь, кстати, свой большой диапазон: от слабых, недостаточно развитых и несостоятельных государств до «государств-неудачников», распадающихся и уже де-факто распавшихся политий [9 - 11]. На одном уровне со слабыми мы должны будем поместить и так называемые искусственные государства – политии, не имеющие своих историко-культурных «ядер». Эти политические

«организмы» всегда уязвимы для воздействия извне. (Со времен Пола Бельена (*Paul Belien*), который, первым использовал понятие «искусственные государства», под таковыми принято понимать «державы-скороспелки», созданные на территориях, на которых раньше не было подобного государства, а население не обладает «национальным сознанием». Искусственные государства возникли в результате насилия, либо за столами конференций, и являются многонациональными конструкциями. Они есть даже в современной Европе (Бельгия, Босния и Герцеговина). Но если здесь их осталось ничтожно мало, этого нельзя сказать про весь остальной Мир, где они составляют большинство, а известная конгруэнтность между нацией и государством – скорее исключение, чем правило) [12].

Понятно, что все эти государства попадают в другую группу – в число пешек, статистов, а то и меньших по значению фигурантов процесса, переходящих на нулевой уровень «шахматной доски», т.е. *объектов* геополитического действия со стороны других игроков. И чем слабее рассматриваемые нами государства, тем большие проблемы они создают для иных государств и для международного сообщества в целом, поскольку их проблемами приходится заниматься другим... Здесь, надо сказать, действует императив американского политолога Ф. Фукуямы, гласящий, что «слабость государства – и национальный, и международный источник проблем первого порядка» [13]. Кстати, в эту же группу мы должны отнести и ряд других государственно подобных образований (политий) – стран/народов с претензией на государственность или с частичной государственностью.

Пункт № 3.

Здесь за точку отсчета мы должны взять геополитическую таксономию современного мира и применить ее (как схему, как матрицу) к интересующей нас региональной «площадке». В итоге она окажется многоярусной, приобретет «слоистый» характер. Полный набор «единиц» в рамках такого

рода таксономии, опираясь на работы уже упоминавшегося С.Б. Коэна [14, 15], мы уже давали в своих работах [16]. Оттолкнемся от этих наработок и в данном случае. С нашей точки зрения, политическая стратификация мира, по крайней мере, после наступления эпохи постбиполярности, выглядит следующим образом: ее верхний уровень занимает сверхдержава (она всегда одна, это безусловный лидер в мировых делах), а нижнюю страту – колонии (их всегда множество или, по крайней мере, несколько, хотя, как мы знаем, на сегодняшний день колониальных империй как таковых уже нет). Между ними располагается целый ряд геополитических таксонов, в результате чего картина приобретает следующий вид (если идти сверху вниз): **а) субъекты:** сверхдержава → великие державы (здесь всегда «концерт», или «ансамбль» великих держав) → региональные державы (крупные игроки регионального или даже макрорегионального уровня) → субрегиональные державы → обычные («малые») государства; **б) объекты:** слаборазвитые и зависимые государства (обладают формальным суверенитетом) → протектораты (великих держав или международных структур) → подопечные государства или территории → квазигосударства (частично признанные или непризнанные государства, плюс к тому распадающиеся «организмы») → полуколонии и колонии. (Заметим: с великими державами тоже далеко не все ясно. Что считать сегодня критерием великой державы: членство в СБ ООН, работу в качестве полноправного члена «Семерки», наличие ядерного потенциала? Однозначного ответа у специалистов нет (например, насколько можно сегодня относить к числу «великих» ту же Италию или Канаду, хотя они и имеют постоянное место в G-7!?). Ясно одно: такого рода державы просто явно выделяются среди других по своей совокупной мощи и влиянию на мировые дела).

В порядке примечания заметим, что жесткая привязка того или иного государства к конкретному уровню может быть затруднена. Это бывает в тех случаях, когда государство совершает свой исторический транзит, т.е. теряет силу и потому демонстрирует нисходящий тренд, либо, наоборот, приобретает силу и тем совершает восхождение на более высокий уровень региональной иерархии.

Таким образом, у каждого из этих таксонов свой критерий выделения. Скажем, если мы говорим о региональных державах современного мира, то это, безусловно, Иран, Турция, Бразилия, ЮАР или, например, Австралия. В трактовке А.Г. Дугина (с которой мы полностью согласны), региональная держава – это современная геополитическая категория, которая характеризует крупное и довольно-таки развитое государство, чьи политические интересы, однако, ограничены лишь областями/районами, непосредственно примыкающими к ее территории или входящими в ее состав. Специфика региональной державы состоит в том, что она имеет бóльший политический вес, чем обычное («малое») государство, но меньший, чем сверхдержава или империя. Иными словами, региональная держава не имеет прямого влияния на мировую цивилизацию и геополитические процессы в глобальном масштабе, подчиняясь в основных стратегических линиях балансу сил более мощных держав (империй). В то же время региональная держава имеет определенную свободу по отношению к своим непосредственным (более слабым) соседям и может оказывать на них политическое и экономическое давление (естественно, лишь в тех случаях, когда это не противоречит интересам сверхдержавы или великих держав) [17]. Используя несколько другой дискурс, примерно об этом же пишут и другие специалисты. Региональной может быть считаться та держава, пишут в этой связи С. Кургинян, Ю. Бардахчиев и М. Дмитриев, которая способна вести борьбу за выгодное для себя место *в рамках* Миропорядка (МП),

предлагаемого великими державами или сверхдержавой. Не имея ресурсов для борьбы на первом и втором уровнях Мировой Системы, региональная держава выбирает оптимальный для нее вариант МП и начинает утверждаться в нем, от чего зависит качество бытия (или небытия) народа этой державы [18]. Как бы там ни было, при всех налагаемых на такого рода государство ограничениях, это – все же заметный игрок в мировых делах, в зоне же своих преференциальных интересов – решающий.

Здесь мы должны сказать, что осуществление данной процедуры *уже* требует учета типологических различий регионов. Одно дело – ранжирование государств в регионе типа ЖК, другое – в регионе-МК. В первом случае мы сталкиваемся с абсолютным доминированием «стержневого» государства. Оно всегда находится в гордом одиночестве и, независимо от своего ранга в мировой таблице о рангах, занимает самую верхнюю планку, т.е. господствует. Если смотреть на региональную «площадку» сбоку, то это – элемент, венчающий пирамиду; если же сбоку – то тогда «государство-Хозяин» образует именно стержень, наиболее прочный элемент всей региональной конструкции. Во втором случае у нас может быть несколько равных по статусу и располагающихся на одном уровне государств (как, например, на Ближнем и Среднем Востоке – Турция, Иран, Саудовская Аравия и Израиль), что изначально обрекает регион на их геополитическое соперничество, с подключением других, менее значимых и более слабых игроков. Это аксиома.

Но, спрашивается: на каком основании мы проводим ранжирование государств, не является ли это чисто произвольным делом? Ответим: нет, не является, поскольку у нас есть возможность измерить их величину. Сделать это вполне реально, если бы четко определим потенциал каждого из фигурирующих на «площадке» государств и (плюс к этому) обозначим внешнеполитические ориентации правящих элит, их устремления на

региональной арене. Но за этим, опять-таки, стоит потенциал страны, поскольку сила и протяженность геополитического луча, посылаемого одним государством в отношении другого (других), зависит от наличных возможностей государства. Это уже предполагает хотя бы общее, но *уже измерение*. Понятно, что здесь всегда есть некоторые допущения, поскольку порой истинное положение дел во многих странах неизвестно. Поэтому, как говорят иные специалисты, «принимается, что существует некая скрытая переменная, значение которой точно отображает положение в рассматриваемых странах, однако сами эти значения неизвестны и о них приходится судить по доступной информации в рамках модели линейной регрессии различных индексов на скрытую переменную» [19].

Тем не менее, от чего-то, от каких-то экспертных оценок все же приходится отталкиваться.

Пункт № 4.

Используя понятие «потенциал страны», мы имеем в виду синтетическую характеристику государства, которая, по сути, образует материальный субстрат его силы на мировой/региональной арене. Можно трактовать это понятие в узком и широком смысле. С нашей точки зрения, лучше (и точнее) было бы говорить о *совокупной силе государства*, являющейся триединством собственно его силы, влияния и престиже. Дефиниции этих понятий суть такова: 1) сила государства (сила как таковая) – это его способность защищать и утверждать свои национальные интересы, а также реализовывать намеченные цели на мировой/региональной арене с помощью определенного набора материальных средств, в том числе и прямого физического воздействия; 2) влияние – способность государства оказывать заметное воздействие на других акторов системы международных отношений и международную обстановку в целом с помощью нефизических (духовных) средств, убеждать других, не применяя физическую силу (набор

средств здесь таков: культурное, языковое, религиозное, идеологическое, моральное и пропагандистское воздействие); 3) престиж государств – это его авторитет в глазах других акторов системы международных отношений и внутерриториальных субъектов, уровень которого обусловлен его политическим влиянием.

Но в любом случае ясно одно: являясь сложным социо-техно-природным комплексом, потенциал определяет реальные возможности государства в сфере политики в данный момент времени. Это те ресурсы, которые необходимы для утверждения государства в мировых делах, для получения им тех или иных экономических и политических выгод и для расширения своего влияния. Как правило, конкретное государство не может похвастаться пропорциональным развитием *всех* образующих потенциал компонентов, поэтому оно опирается на какие-то ключевые, наиболее развитые его части. Но при этом специалисты всегда проводят различие между двумя его сегментами: внутренним (используемым в целях внутренней политики) и внешним (используемым в международных делах государства). Граница между ними бывает достаточно эластичной, но она всегда есть.

Далее. Приступая к ранжированию государств на той или иной региональной «площадке» или в той или иной зоне мира, можно идти разными путями. Скажем, можно следовать хорошо известному специалистам-международникам подходу в определении «силы государства» Г. Моргентау, который в числе наиболее важных компонентов, формирующих силу любого государства, называл следующие: его географическое положение государства, природные ресурсы, промышленный, военный и демографический потенциал, национальный характер, национальную мораль, качество государственного управления и дипломатию [20]. Или, например, использовать вроде бы устаревший, но когда-то произведшем фурор в научных кругах японский подход. Мы имеем

в виду разработанную специалистами» Страны Восходящего Солнца» методику расчета «национальной силы» для ведущих государств мира на 1985 г.: расчет по всему комплексу факторов производился от уровня США, принятого за 100 баллов [21], Устарела эта методика –то устарела, но не так давно легла в основу сценарного моделировании будущего Мировой Системы, рассчитанного на период до 2025 г., чем по заказу Национального разведывательного совета США занималась группа ведущих западных экспертов [22].

В общем и целом здесь можно двигаться в двух направлениях: а) идти обычным, как бы хорошо известным путем и б) двигаться в инновационном русле. Это значит, что у нас есть два варианта работы. Во-первых, можно ранжировать интересующие нас государства по каждому из компонентов потенциала или брать в качестве предмета для сравнения более мелкую «переменную» в том или ином компоненте (например, в экономическом потенциале – объем инвестиционной активности государства и/или его компаний за рубежом или его золотовалютные запасы); во-вторых, можно, беря за точку отсчета *комплексные качественные* показатели развития потенциала (в них происходит «наложение» обычных, или структурных компонентов потенциала плюс добавляются новые – именно комплексные и, в большей мере, функциональные показатели), выводить анализ на уровень общемировой геополитической таксономии.

Первый из них хорошо известен и более-менее описан в литературе. Он предполагает сравнительный анализ государств и их шкалирование по каким-то отдельным, конкретным, показателям и, по сути, выводит нас на их ранжирование исключительно в *структурном* измерении. Более интересны те «версии» расчета силы государства, которые предполагают попытку синтеза такого рода показателей. Такова, например, логика специалистов, предложивших в свое время расчет силы государства по Международной

компьютерной модели будущего (она выводилась в виде положения в рейтинге из среднего коэффициента ВВП, расходов на оборону, населения и технологий) [22]. В этом же ряду стоит отметить и любопытный подход китайских специалистов, которые стали уделять серьезное внимание этим вопросам на рубеже 1980 – 1990-х гг. [22]. У нас несколько иной подход и, говоря конкретно, это означает, что мы должны будем опереться на анализ тех компонентов потенциала страны, которые непосредственно обращены к сфере внешнеполитической деятельности государства. В этом случае следует выделять пять базовых факторов, а именно: экономический, военный и интеллектуально-технологический потенциалы + население страны и ее территорию. Каждый из них, в свою очередь, предполагает дифференцированный подход.

Вот как это выглядит, скажем, применительно к экономическому потенциалу: а) место и роль страны в международной системе разделения труда; б) сегменты мирового рынка, контролируемые ведущими компаниями и банками данной страны; в) структура ее экономики и наличие в ней «критически важных» отраслей; г) сбалансированность торговых обменов и недопущение торгового дефицита; д) размер золотовалютных резервов (запасов), особенно находящихся в распоряжении государства; е) состояние национальной валютной системы и ее отношение к мировым финансовым потокам; ж) наличие инвестиций в «свою» экономику и за рубежом; з) размеры и формы оказания экономической помощи другим странам и «донорства» по линии международных организаций (прежде всего ООН); и) доля госбюджета и объем частных отчислений, выделяемые на нужды науки (НИОКР) и развитие высоких технологий; и т.д.

Что же касается таких факторов силы государства, как население и территория, то их следует рассматривать как в количественном, так и в качественном измерении. Для нас это конкретно означает, что: а) при анализе

фактора «население», надо непременно фиксировать уровень жизни основной массы жителей страны и общий коэффициент его жизнеспособности (он считается по пятибалльной шкале, принятой ЮНЕСКО-ВОЗ) и б) при рассмотрении такого фактора, как «территория», надо непременно фиксировать не просто общую территорию, а плотно освоенную в хозяйственно-экономическом и социально-культурном отношении часть страны с соответствующей ресурсной базой (это особенно важно при «работе» с крупными государствами). Плюс к этому, необходимо учитывать местоположение страны или ее ключевых регионов в мировом геопространстве.

Второй путь более сложный и пока имеет мало precedентов практического применения. Он предполагает сравнительный анализ государств и их шкалирование на основе комплексных (интегративных) показателей (причем, их подбор осуществляется по особым методикам). В отличие от первого, делающего упор на структурных факторах («переменных»), данный путь исследования позволяет выйти на более важные вещи, т.е. на более содержательное ранжирование, когда во главу угла становится структурно-функциональный подход (с упором на *функциональную* сторону дела).

Интересный опыт ранжирования практически всех государств современного мира (с выборкой по 192 странам, по данным на 2007 г.) был реализован в одном оригинальном проекте МГИМО (У) МИД РФ [23]. По логике разработчиков данного проекта мы должны учитывать, как минимум, пять базовых, но уже *комплексных*, факторов (в специальной литературе они получили название индексов), а именно: индекс государственности, индекс внешних и внутренних угроз, индекс потенциала международного влияния, индекс качества жизни и индекс институциональных основ демократии. Каждый из них, в свою очередь, предполагает достаточно дробный анализ,

плюс к этому фиксацию «веса» каждого фактора, входящего в тот или иной индекс.

Мы полагаем, что второй путь более продуктивен, хотя он более трудоемок и требует спецификации умелой спецификации применительно к конкретным региональным «площадкам». Для простоты работы следует, во-первых, сводить все интересующие нас государства в *общерегиональную* рамку, т.н. давать сравнительный анализ по региону в целом, а во-вторых, при работе с каждым конкретным индикатором отталкиваться от двух – самого лучшего и самого худшего в мире – показателей (беря для этого соответствующие страны). Для этого «вес» мирового лидера по той или иной группе показателей оценивается в 10 баллов, а «вес» мирового аутсайдера – в 0 баллов. Кроме того, в таблицах стоило бы выводить среднемировой уровень (он оценивается в 5 баллов).

На этом этапе мы вновь должны учесть типологические различия в геополитических регионах. Одно дело, когда мы определяем совокупную силу «стержневого» государства в регионе-ЖК, другое дело – выход на ее «измерение» в регионе типа МК. В первом случае мы сталкиваемся с иерархией, с четким *распределением* статусов в пространстве; во втором – с равенством (полным или частичным) *ряда* государств.

На этом этапе мы должны уже (хотя бы отчасти) учитывать типологические различия в геополитических регионах. Одно дело, когда мы определяем совокупную силу «стержневого» государства в регионе-ЖК, другое дело – выход на ее «измерение» в регионе типа МК. В первом случае мы сталкиваемся с иерархией, с четким распределением статусов в пространстве; во втором – с равенством (полным или частичным) «местных» государств.

Пункт № 5.

Далее мы встаем перед необходимостью определить интересы ранжированных выше игроков. При этом в общетеоретическом плане мы понимаем интерес как *центральное звено* во всей мотивационной цепи человеческой деятельности, ее движущего мотива. Общий вид мотивационной цепи, если идти как бы снизу, от самых глубинных структур мотивации, выглядит следующим образом: страхи (или коллективные) опасения конкретного актора → разделяемая им система ценностей → набор его базовых потребностей → интерес (интересы) этого актора → его цели и вытекающие из них задачи → озвучиваемая публично позиция → действия этого актора.

Уточним свою позицию. Когда речь идет об интересах государств, т.е. о том, что в политологии международных отношений и геополитике называется национальными интересами, то имеется в виду фундаментальный принцип жизнедеятельности любого суверенного государства – то, без чего оно не может нормально функционировать. Как писал в свое время американский политолог Б. Палмер: «...национальный интерес лежит в основе всего стратегического планирования в государстве, являясь синтезирующей концепцией важнейших нужд нации» [24]. Именно эта синтезирующая концепция важнейших нужд нации (обращенная при этом вовне, во внешний мир) лежит в основе соответствующих устремлений государств на мировой арене – их экспансионистской (в одном случае), балансирующей удаленности (в другом) и изоляционистской (в третьем).

Следует заметить, что национальный интерес имеет как бы двуединый характер: с одной стороны, это обеспечение «общего блага» конкретного сообщества людей, проживающих на конкретной территории (*нации*), с другой – это концентрированное выражение мотивов, движущих внешней политикой государства (*политической организации*). При этом интересы анализируемых нами государств надо разделить на две большие группы:

главные и второстепенные. Это императив, который не терпит исключений. И здесь со времен Г. Моргентау ничего в принципе не изменилось [25]. Это означает, что в них есть постоянное и переменное содержание. И государства очень заботятся о сохранении своеобразного «ядра» в своих интересах (некоей постоянной величины в системе ценностей, определяющих бытие государства), независимо от сменяющихся друг друга политических режимов и особенностей правящих элит. В этом смысле вопросы суверенитета государств и их территориальной целостности суть концентрированное выражение их интересов. Любое из уважающих себя государств не допускает превращение их в предмет «торга» с другими.

Далее. Мы не должны забывать, что ключевую роль в артикулировании интересов играет политическая элита. Главенствующую роль при этом играют правящая элита и/или элитные группы, особенно внешнеполитический истеблишмент. Поэтому анализируя конкретные ситуации на тех или иных региональных «площадках», важно знать, что она/они собой представляют (скажем, насколько они консолидированы, слаженно действуют на международной арене) и что происходит у них в головах, т.е. из каких «образов Страны и Мир» они исходят. При этом не стоит забывать, что важным стимулом здесь являются традиции, приверженность элиты (как в целом, так и ее отдельных, ключевых представителей) патриотическим ценностям, а также искусственность (опыт) элиты в ведении международных дел и решении военно-стратегических вопросов. Могут быть, правда, и ограничители: жесткие внутренние «игры» различных ведомств и кланов правительственной бюрократии, компрадорство отдельных лиц или групп, борьба враждующих политических группировок, излишнее влияние на политику и лиц, принимающих решения, финансово-промышленных групп, отсутствие патриотических установок, а также (зачастую) непомерные амбиции первых лиц

государства/правительства и излишне самостоятельные ходы отдельных лиц из их окружения.

Ключевую роль здесь играет *качество* политической элиты, наиболее важными характеристики чего являются: а) в плане целеполагания – умение четко формулировать национальные цели (долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные), а также ставить вытекающие из них конкретные задачи; б) в аспекте проявления воли и желания осуществлять национальную стратегию – это умение элиты мобилизовать население своей страны и расположить общественное мнение, глубоко взвешенный и ответственный подход к внешней политике государства; в) в аспекте профессионализма – наличие соответствующих знаний, умений и навыков в сфере выработки и проведении внешней политики, в том числе в кризисных и конфликтных (для данного государства) ситуациях; умение сочетать внешнеполитические традиции государства с инновационными подходами, обусловленными растущей турбулентностью международной среды. Но, безусловно, ключевую роль здесь играет политический лидер страны, в ряде стран непосредственно «курирующий» внешнюю политику государства. Поэтому выход на построение *его* «ментальной карты» является самым важным звеном такого рода анализа.

Говоря о качественных характеристиках элиты, мы должны учитывать компоненты, образующие фундамент активности государства в мировых делах или даже его заметного влияния на них. Речь идет о двух основных «китах», без которых не может существовать никакое нормальное и уважающее себя государство. Это, во-первых, система базовых ценностей, разделяемая подавляющим большинством населения данной страны (это так называемая национальная идея, в которой неустраимо проявляется культурный архетип народа) и, во-вторых, четко сформулированная и официально заявленная внешнеполитическая доктрина государства. Ее

непременным дополнением и сопутствующим моментом всегда является военная (а в ряде случаев и военно-морская) доктрина государства.

В данном случае нельзя также не учитывать то, насколько вписываются все эти «вещи» в *традиционный* геополитический код государства. Понятие геополитического кода (или кодекса поведения государства) было предложено в свое время американским исследователем Дж. Гэддисом [26]. Им он обозначил некие устойчивые, сохраняющиеся в течение длительного периода времени представления о Мире и об отношениях с другими государствами; картину Мира, рисуемую элитой конкретного государства, и способ взаимодействия его с внешним миром. Говоря более конкретно, код включает в себя определение зон национальных интересов, «естественных» сфер влияния, оценку сил противников и возможностей союзников, определение расстановки сил в мировых делах. Таким образом, по сути геополитический код (кодекс поведения) государства – это географическая основа его внешнеполитической стратегии.

Таким образом, речь идет о роли субъективного фактора в жизнедеятельности государства, который вполне можно рассматривать как еще один – второй – компонент его силы на мировой/региональной арене, дополняющий его ресурсные возможности.

Пункт № 6.

В этой фазе АКС следует исходить из того, что интересы любого нормального государства – государства, обладающего (как говорят юристы-международники) *позитивным* суверенитетом, вращаются вокруг какой-то одной – строго определенной – оси, т.е. у всякого полноценного государства есть *своя главная ось* национальных интересов. Это – опорная конструкция его политики, обращенной во внешний мир. Таковых, с нашей точки зрения, может быть три: а) ось, ориентированная на модель прогрессирующего развития государства (*модель роста*), базой чего служит *расширенный* цикл

воспроизводства базовых потребностей населения страны; б) ось, ориентированная на гармоничное, сбалансированное развитие государства (*модель самодостаточности*), базой чего является цикл обычного, или простого воспроизводства; в) ось, ориентированная на элементарное выживание государства как политического «организма» (*модель максимально «экономного» поведения*). В этом случае население страны не дополучает, имеет место суженный цикл воспроизводства его базовых потребностей. Этим осям соответствуют конкретные внешнеполитические ориентации государств. Говоря конкретно: а) *экспансионизм* (может быть в двух формах: жесткой и мягкой), б) *равнобалансирующая удаленность* от других центров силы (или, наоборот, приближенность к ним), в) *изоляциялизм* (полный или частичный, относительный).

Понятно, что конкретные ориентации государств предполагают выстраивание соответствующих отношений с их соседями на той или иной региональной «площадке». Используя это понятие – «отношение», мы имеем в виду не что иное, как *направленный контакт* одного государства в отношении другого (это как бы их активность, вынесенная вовне). Контакты эти разной природы, протяженности, наполненности (одним или несколькими линиями взаимодействия), симметричные/асимметричные и т.д. Каждое из государств обладает способностью целеполагания (в широком смысле). В делах политических это означает, что отношение как раз и реализует конкретные интересы того или иного субъекта и вытекающие из них цели.

С нашей точки зрения, здесь важно также не упустить тот момент, что выстраиваться отношения государств могут, как минимум, по четырем «*track'am*», а именно: экономическому (включая финансы и торговлю), политическому, военному (включая военно-техническое сотрудничество) и гуманитарному.

При этом очевидно, что ни один «местный» субъект не существует в одиночестве, не находится в абсолютном политическом вакууме, а окружен такими же, как он, субъектами. Иначе говоря, всегда есть определенное политическое поле, в котором действует несколько или множество субъектов. И иногда это поле достаточно плотное. Но что при этом следует отметить: преимущество в приспособлении к этому полю будет иметь та «местная», держава, которая либо хорошо знает специфику данной геополитической среды и она хорошо вписывается в ее традиционный геополитический код, либо просто давно и хорошо «освоила» эту географическую зону, т.е. рассматривает ее как свой домен [27].

И еще один важный момент. Поскольку любое отношение государства (направленный контакт вовне) – это реализация его национальных интересов, следует учитывать их градацию. С нашей точки зрения, она суть такова: жизненно важные → главные → достаточно важные → незначительные → периферийные интересы. Кроме того, важно то, *на каком уровне международной системы они фиксируются* (а здесь, как известно, предполагается выделение таких уровней, как глобальный, макрорегиональный, собственно региональный, субрегиональный или чисто ситуативный – когда налицо возникновение конкретных ситуаций межгосударственного взаимодействия, скажем, в условиях международных кризисов). И здесь, как правило, государство выстраивает для себя то или иное *приоритетное направление* внешней политики в окружающем его пространстве или сразу несколько таких направлений, выделяя в нем конкретные сектора своей активности. В тих условиях становится понятным: «Чем больше сила (мощь) государства, тем шире радиус его геополитического воздействия на окружающую среду и тем сильнее посылаемый им луч (экономический, политический, культурный и т.д.), т.е.

его вектор силового воздействия на конкретный сектор окружающего его геополитического пространства» [28].

Пункт № 7.

Все вышесказанное позволяет выйти на главный элемент первого этапа АКС, а именно: «ухватить» конкретную региональную «площадку» как пространственно-территориальную целостность, а не взирать на нее как на простую совокупность, или конгломерат отдельных политических «организмов», разделенных границами в пределах конкретной зоны мира. Ведь важно понять: если геополитический регион (или проблемная зона мира) – это та *часть* мирового пространства, то в чем заключается его «лицо», т.е. тот специфический набор свойств, который, с одной стороны, выделяет изучаемую «площадку» от других пространственно-территориальных систем, а с другой – придает ей качество целостности. Для этого необходим своего рода «синхронический» анализ отношений между всеми политическими «организмами», фигурирующими на данной «площадке», образующими в своей совокупности не что иное, *способ организации элементов в систему, ее каркас (или «архитектуру»*).

В чисто техническом плане проведение данной операции предполагает *отказ от работы с территорией как таковой* и смещение познавательного интереса *в сторону изучения* конфигурации того или иного сегмента мирового *геопространства*. В плане графики главным здесь становится правильно и точно проведенные линии (каналы связи между государствами), в частности их выделенные линии. Простые линии, связывающие, свидетельствуют о наличии между ними регулярных контактов, не более того; отсутствие же линий в пространстве между каким-либо государствами говорит либо об эпизодических контактах, либо от отсутствии таковых вообще. Выделенные же линии говорят о прочных осях положительного взаимодействия между теми или иными акторами, хотя на

данном уровне АКС мы еще не уточняем: *какие* это оси – сотрудничества или конфронтации. Самые главные линии при этом – осевые, как бы центрирующие всю систему. Менее значимые линии – дополняющие осевые, вспомогательные. По сути, мы имеем дело с картированием, только условным, геополитическим. Поэтому важнейшим элементом здесь является язык концептуальных графов, т.е. показ графического выражения отношений между понятиями, характеризующими тот или иной геополитический феномен.

Плюс к этому, как подчеркивал уже упомянутый нами Б.Ф. Поршнев, каркас (структура) системы – это наличие некоей симметрии или, наоборот, асимметрии между элементами и подчиненность их осям целого. Поэтому главное – разгадать главную ось (или оси) системы, по отношению к которой все элементы должны будут занять свойственное только им положение. Именно поэтому выдающийся отечественный специалист говорил о построении «кристаллической решетки» конкретного сегмента мирового геополитического пространства. При этом он подчеркивал: выстраиваемая каждым из государств региона внешнеполитическая линия поведения (естественно, если оно обладает качеством геополитической субъектности) может рассматриваться как динамический фактор, как некое «постоянное колебание между данной структурой (каркасом системы) и другими, уже бывшими в прошлом или испытываемыми на осуществимость в будущем [29].

Таким образом, данная процедура предполагает четкое разведение «местных» государств и/или политий по разным уровням анализируемой «площадки», но при сохранении факта их соседства (здесь география как бы в снятом виде все же присутствует). Практически речь идет о выстраивании специфической «кристаллической решетки» того или иного

геополитического региона как сегмента мирового геопространства. Однако есть одно «но» ...

Построить такую «решетку» проще применительно к регионам ЖК. Здесь она у нас может (и должна) быть в единственном числе. И понятно почему. «Стержневое» государство, как своеобразный магнит, как бы держит всю систему. Сама же она имеет вид «радиальной» (централистской) модели организации входящих в нее элементов. Если же мы имеем дело с регионами-МК и с геополитически нестабильными лимитрофными образованиями, то построить одно «древо» структурных связей достаточно сложно. В лучшем случае, мы столкнемся с ситуацией наличия нескольких «центров силы», на которые так или иначе завязаны другие участники регионального процесса из числа «местных» ... Таким образом, мы получаем несколько «мини-решеток», связанных между собой в единую, но не стойкую конструкцию, причем достаточно слабой нитью. В худшем случае – при АКС в регионах с «повышенным индексом беспорядка» и/или в сильно фрагментированных «разъединительных поясах» (это уже лимитрофные зоны) – мы можем столкнуться с наличием в пространстве малых или больших «вакуумных зон», что делает очень вообще проблематичным сведение таких «мини-решеток» воедино [30,31].

Этим пунктом, с нашей точки зрения, завершается первый этап анализа ситуаций в ГНЗР и мы можем перейти к более сложному – второму – этапу АКС. О том, какие «процедурные» составляющие он предполагает, см. в нашей следующей статье.

Статья подготовлена и публикуется в рамках выполнения внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр-07/2017-20) «Анализ "архитектуры" и динамики геополитически нестабильных регионов современного мира: когнитивный подход (на примере Черноморско-Каспийского региона)».

Литература

1. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. С. 282.
 2. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. – СПб.: Лань, 2000. С. 25.
 3. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. – М.: Амфора, 2007.
 4. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1998. С. 51.
 5. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. – М.: Кучково поле, 2002. С. 43-44.
 6. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука / ИНИОН РАН. 2008. № 4. С. 16.
 7. Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // ПОЛИС. 2010. № 3. С. 31-32.
 8. Малек М. Распад государств как явление международных отношений. URL: acnis.am/book2006/malek.htm
 9. Rotberg R.I. Failed States, Collapced States. Weak States: Causes and Indicators // State failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R.I. Rotberg. – Wash. (DC): Brookings Institute Press, 2003.
 10. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapced States // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by Ch.A. Crocker, F.O. Hampson, P.R. Aall. – Wash. (DC): USIP Press, 2007.
 11. Ильин М.В. Структурные параметры неблагополучия государств // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / под ред. М.В. Ильина и И.В. Кудряшовой. – М.: МГИМО-Университет, 2011.
-

12. Маклаков А. Нация и государство: конец Вестфальского мира. 27 августа 2008 г. URL: dialogs.org.ua/print.php?part=projectua&m_id=13392.

13. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. – М.: АСТ, 2006. С. 8.

14. Cohen S.B. Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline / Reordering the World Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century / ed. by J. Demco and W. Wood. – Boulder (Colo): Westview Press, 1994.

15. Cohen S.B. Geopolitics of the World System. – N.Y.: Rowman & Littlefield, 2002.

16. Рябцев В.Н. Современный иранский кризис как объект геополитического анализа: региональный и глобальный контекст. – Ростов н/Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 115.

17. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 4-е изд. – М.: АРКТОГЕЯ, 2000. С. 199-200.

18. Кургинян С., Бардахчиев С., Дмитриев С. «Туманган» – символ поражения // Завтра. 1996. № 15. С. 4.

19. Дегтярев Д. Компьютерное моделирование международных отношений // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 3 (сент. – дек.)

20. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. pp. 117-155.

21. Зайцев В.К. Научно-технический прогресс и долгосрочные тенденции экономического развития // Японская экономика в преддверии XXI века. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1991. С. 85-124.

22. Мир после кризиса, Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / пер. с англ. – М.: Европа, 2009.

23. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Колл. авторов. – М.: Изд-во «МГИМО-Университета», 2007 (Гл. 2).

24. Palmer B. et al. (ed.). Grand Strategy for the 1980s. Washington (DC), 1978. pp. 73-74.

25. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 195-196.

26. Gaddis J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1982.

27. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. – М.: ИНФРА-М, 2017. С. 63.

28. Дергачев В.А. Геополитика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 197.

29. Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. – М.: Наука, 1970. С. 36-37.

30. Розин М.Д., Рябцев В.Н., Свечкарев В.П. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ. Инженерный вестник Дона, 2016, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2016/3741.

31. Рябцев В.Н. Геополитические и геочивилизационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции великого лимитрофа (современный контекст вопроса). Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2013/1980.

References

1. Savitsky P.N. Continent Evraziya [The Continent of Eurasia]. М.: AGRAF, 1997. p. 282.

2. Vernadsky G.V. Nachertaniey russkoy istoryy [The outline of Russian history]. SPb: LAN, 2000. p. 25.

3. Dugin A.G. Geopolitica postmoderna. Vremena novykh imperiy [The geopolitics of postmodernity. Of new empires]. M.: Amfora, 2007. p. 6.
4. Bzhezinsky Zb. Velikaya shakhmatnaja doska. Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskije imperativy [Great chess gloss. The domination of America and its geostrategic imperatives]. M.: Mezhdunarodnyje otnoshenija, 1998. p. 51.
5. Vandam A.E. Geopolitica i geostartegija [Geopolitics and geostrategy]. M.: Kuchkovo pole, 2002. pp. 33-34.
6. Iljin M.V. Politicheskaja nauka. 2008. № 4. p.16.
7. Iljin M.V. Meleshkina E.Y. Melvil A.Y. POLIS. 2010. № 3. pp. 31-32.
8. Malek M. Raspad gosudarstv kak javlenije mezhdunarodnykh otnosheniy [The disintegration of States as a phenomenon of international relations]. URL: acnis.am/book2006/malek.htm
9. Rotberg R.I. Failed States, Collapced States. Weak States: Causes and Indicators. State failure and State Weakness in a Time of Terror / ed. by R.I. Rotberg. Wash. (DC): Brookings Institute Press, 2003.
10. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapced States. Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by Ch.A. Crocker, F.O. Hampson, P.R. Aall. Wash. (DC): USIP Press, 2007.
11. Iljin M.V. Asimetriya mirovoy sistemy suvereniteta: zony problemnoy gosudarstvennosti. M.: MGMIMO-Universitet, 2011.
12. Maklakov A. Natsija i gosudarstvo: konets Vestfalskogo mira. [Nation and state: the end of the peace of Westphalia]. (2008). URL: dialogs.org.ua/print.php?part=projectua&m_id=13392
13. Fukujama F. Silnoje gosudarstvo: Upravlenije I mirovoy poryadok v XXI veke [The state building: Governance and world order in the XXI century]. M.: AST, 2006. p. 8.

14. Cohen S.B. Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline. Reordering the World Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century, ed. by J. Demco and W. Wood. Boulder (Colo): Westview Press, 1994.
 15. Cohen S.B. Geopolitics of the World System. N.Y.: Rowman & Littlefield, 2002.
 16. Ryabtsev V.N. Sovremenny iranskiy krisis kak object geopoliticheskogo analiza: regionalniy i globalniy kontekst [Modern Iranian crisis as an object of geopolitical analysis: regional and global context]. Rostov n /Donu: Izd-vo YNTS RAN, 2008. p.115.
 17. Dugin A.G. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoje buduzhee Rossii. Myslit prostranstvom [The foundations of geopolitics. The geopolitical future of Russia. Thinking space]. 4 izd-e. M.: ARKTOGEJA, 2000. pp. 199-200.
 18. Kurginjan S. Bardakhchijev S., Dmitrijev S. Zavtra. 1996. № 15. S. 4.
 19. Degtyarjov D. Mezhdunarodnyje protsessyю. 2011. V.9. № 3 (sent. – dek.).
 20. Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. 5th ed. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. pp. 117-155.
 21. Zaitsev V.K. Japonskaja ekonomika v preddverii XXI veka. M.: Gl. Red. Vost. Lit-ry, 1991. pp. 85-24.
 22. Mir posle krizisa, Globalnyje tendentsii – 2025: menjajchijsja mir. Doklad natsionalnogo razvedyvatelnogo soveta SCHA. M.; Evropa, 2009.
 23. Politicheskij atlas sovremennosty^ opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennykh gosudartsv [Political Atlas of modernity: Experience of multidimensional statistical analysis of political systems of modern States]. M.; Izd-vo MGIMO-universiteta, 2007 (gl.2).
 24. Palmer B. et al. (ed.). Grand Strategy for the 1980s. Washington (DC), 1978. pp. 73-74.
 25. Morgentau G. Sotsialno-politichesky zhurnal. 1997. № 2. pp. 195-196.
-

26. Gaddis J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1982.
27. Elatskov A.B. Obtschaja geopolitika: voprosy teorii i metodologiiiv geograficheskoy interpretatsii [Shared geopolitics: theory and methodology geographic interpretation]. M.; INFRA M, 2017. p. 63.
28. Dergachjov V.A. Geopolitika [Geopolitics]. M.: JUNITI-DANA, 2004. p. 197.
29. Porshnev B.F. Frantsija, anglijskaja revolutsija i evropejskaja politika v seredine XVII veka [France, the English revolution and European politics in the mid-seventeenth century]. M.; Nauka, 1970. pp. 36-37.
30. Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2016, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2016/3741.
31. Ryabtsev V.N. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2013, №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2013/1980.